

УДК 930(571.1/5)

DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(1).69-80

Д. А. Ананьев

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СИБИРЬЮ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируются работы англо-американских и немецких авторов, посвящённые изучению правительственной политики и проблем управления Сибирью в XIX – начале XX в. Несмотря на повышенный интерес западных историков-русистов к роли государства и его институтов в установлении контроля и закреплении за Россией огромных пространств Северной Азии, специальные работы, посвящённые данной теме, были немногочисленны. Отчасти это объяснялось сравнительно медленным институциональным оформлением на Западе русистических исследований, а также преимущественным вниманием западных авторов к событиям в центральных регионах Российской империи, а не на её окраинах. Вместе с тем зарубежным историкам, следовавшим в русле концепции «русской восточной экспансии» (Э. М. Хикс), теорий «фронтитра» и «колонизации», а также «модернизационной» и «имперской» парадигм (А. Каппелер, В. Сандерленд, С. Беккер и др.), удалось осветить достаточно широкий круг проблем, связанных с управлением дореволюционной Сибирью. Особое внимание ими уделялось анализу Сибирской реформы М. М. Сперанского, аборигенной и пенитенциарной политики. Критически оценивая многие аспекты «русской восточной экспансии», западные авторы всё же признавали, что созданная за Уралом административная система способствовала успешной интеграции региона в общеимперское пространство.

Ключевые слова: западная историография; Сибирская реформа 1822 г.; М. М. Сперанский; модернизация; колонизация; «русская восточная экспансия».

В западной (прежде всего, англо- и немецкоязычной) историографии неизменно подчёркивается роль государства и его институтов в установлении контроля и закреплении за Россией огромных пространств Северной Азии. Особое внимание исследователями уделялось периоду, охватывающему XIX – начало XX в., когда политика Российской империи, основанная на принципах регионализма, постепенно уступала место более жёсткому централизму, стандартизации и унификации системы управления [1]. Цель данной статьи – анализ и оценка результатов изучения англо-американскими и немецкими авторами основных направлений правительственной политики и проблем управления Сибирью в указанный исторический период.

Направление в западной историографии, связанное с изучением сибирской истории, начало складываться во второй половине XIX – начале XX в., в условиях ускоренного организационного развития и повышения социального статуса исторической науки.

В трудах историков той эпохи вера в прогресс соединялась с «культот науки», а главным критерием профессиональных исторических исследований провозглашался критический анализ первоисточников и соблюдение установленных исследовательских процедур. Формирование «модели профессиональной исторической науки» принято связывать прежде всего с немецкой исторической школой Л. Ранке, его требованием объективности и призывом показывать прошлое, «каким оно было» [2].

Другой особенностью указанного периода исследователи называют всё более заметную зависимость европейской историографии от общественно-политического контекста, её тесную связь с набирающим силу национализмом. Сочетая «националистическую направленность» (что выражалось в распространённом представлении о нации как основном субъекте истории) с унаследованной от эпохи Просвещения идеей прогрессивного развития истории, историогра-

фия XIX в. представляла главными носителями прогресса западные нации, которые, в силу своего превосходства над остальным миром, должны были нести цивилизацию другим народам, в том числе силой оружия.

Главной моральной силой, скрепляющей общество, провозглашалось государство, которому должны быть подчинены устремления и нужды индивидов. Соответственно, в «национальных историях», созданных в соответствии с ранкеанской парадигмой, основное внимание сосредотачивалось на государстве, политических элитах, военно-дипломатической истории, с опорой преимущественно на официальные письменные источники [3, с. 98–180]. Во многом в русле такого подхода были написаны первые англо- и немецкоязычные исследования по истории территориальной экспансии России в Северной Азии (Э. Г. Равенштейн, А. Краузе, К. фон Цепелин) и Северной Америке (Г. Бэнкрофт), явившиеся, по сути, откликом на активные действия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XIX – начале XX в.

На рубеже XIX и XX вв. на Западе всё чаще раздавались призывы к пересмотру традиционных подходов к написанию истории. Так, участники Конгресса искусств и наук, проходившего в сентябре 1904 г. в Сент-Луисе (в их числе – В. Вильсон, Ф. Дж. Тёрнер, Дж. Х. Робинсон и др.) сошлись во мнении, что в исторических исследованиях «изучение частностей» должно быть дополнено «широким синтезом», нарратив – анализом, изложение событий – их интерпретацией, политическая история – социальной. На смену истории элит должна прийти «демократическая история», требующая изучения не только действий «героев», но и деятельности всего народа, во всём её многообразии и с учётом различных факторов. Вместе с тем концепция истории как науки, пытающейся сформулировать общие законы в позитивистском смысле, была отвергнута [2, р. 48].

Указанные тенденции в развитии западной историографии повлияли на содержание концепции «русской восточной экспансии», оформившейся в первой трети XX в. в работах калифорнийских историков, основателей американского сибиреведения – Ф. А. Гол-

дера и Р. Дж. Кёрнера, а также их последователей. Рассматривая государство как «главное действующее лицо», а территориальную экспансию – как основное содержание его истории, авторы концепции также уделяли большое внимание изучению географических, социально-экономических и политических аспектов процесса. Начальный этап формирования концепции нашёл отражение, в частности, в магистерской диссертации выпускницы Университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес) Э. М. Хикс [4].

Исследуя причины, цели и итоги территориальной экспансии России, одну из глав своей работы Э. М. Хикс посвятила истории продвижения русских за Урал. Объединяя теорию колонизации, разработанную в русской дореволюционной историографии, с западными геополитическими теориями рубежа XIX и XX вв., Э. М. Хикс назвала территориальное расширение России, крупнейшей континентальной империи мира, одним из наиболее поразительных процессов в мировой истории. Начавшись в Московском государстве, он не прекращался на протяжении всего последующего времени, а его главной движущей силой, по мнению исследовательницы, было «стремление к морю», обусловленное потребностью России в получении доступа к незамерзающим портам.

В ряду факторов, способствовавших непрерывному продвижению на новые территории, американская исследовательница называет экстенсивное сельское хозяйство, низкий уровень агрикультуры и, вместе с тем, наличие свободных земель («открытых пространств»), разветвлённую речную систему и гомогенность территории, а также социально-психологические факторы, связанные с одновременным наличием у русского народа «инстинктов» земледельцев и кочевников (вследствие длительных контактов с азиатскими народами); в целом – высокую активность русских переселенцев, их способность приспосабливаться к любым условиям и выстраивать отношения с другими этносами, отсутствие стойких расовых и этнических предрассудков.

Опираясь преимущественно на работы западных авторов (Ф. А. Голдера, А. Краузе, Э. Равенштейна, Р. Бизли и др.), Э. М. Хикс анализирует основные «инструменты» «рус-

ской экспансии», одним из которых, по её мнению, являлась система ссылки. Впрочем, исследовательница признаёт, что в конечном счёте штрафная колонизация доказала свою неэффективность, а основную массу сибирского населения составляли не ссылки, а свободные переселенцы. Эффективным инструментом экспансии, по мнению Э. М. Хикс, также являлась церковь, с её достаточно толерантным отношением к другим конфессиям и этносам, а также система управления, созданная русскими. По словам исследовательницы, отсутствие парламента и несменяемость верховной власти имели свои положительные стороны, в частности, обеспечивали преемственность российской политики в Азии, позволяя мобилизовать для достижения поставленных целей все необходимые ресурсы, включая регулярные войска. Автор также подчеркнула, что армия играла большую роль не только в приобретении и удержании русскими новых территорий. Военные занимали заметное место во всей системе управления, возглавляя административные органы, контролируя систему коммуникаций, в том числе железные дороги, которые на рубеже XIX и XX вв. также превратились в инструмент «имперской экспансии».

Несмотря на повышенный интерес западных историков-русистов к роли государства и его институтов, специальные работы, посвящённые проблемам управления дореволюционной Сибирью, были крайне немногочисленны. Отчасти это объяснялось сравнительно медленным институциональным оформлением на Западе русистических исследований (данный процесс активизировался только в 1940-е гг.), а также тем фактом, что события, происходившие в центральных регионах Российской империи, интересовали зарубежных исследователей значительно больше, нежели история имперских окраин.

После Второй мировой войны ведущая роль в изучении дореволюционной истории России на Западе принадлежала американским специалистам. По заключению О. В. Большаковой, в их работах проблемы управления и власти занимали первостепенное место, что во многом объяснялось «политическими соображениями, в том числе попытками спрогнозировать дальнейшую судьбу тоталитаризма в СССР» [5, с. 6–7].

Другую причину интереса американских историков к позднеимперскому периоду исследовательница видит в «традиционной важности темы реформ» в условиях «либеральной системы ценностей» [6].

В 1960-е гг. американские исследователи изучали правительственный аппарат Российской империи в рамках «новой политической и институциональной истории», основывавшейся на постулатах структурно-функциональной социологии, теории модернизации и подходах социальной истории («взгляд снизу») [5]. По заключению С. В. Любичанковского, работы англо-американских историков по «бюрократической тематике» составляют методологически единое научное направление, основанное на признании принципиально важного места госаппарата в поздней Российской империи [7]. Рассматривая государство и его аппарат в качестве реальной силы, способной осуществлять модернизацию в развивающихся странах (к которым относилась и пореформенная Россия), американские историки 1950–1980-х гг. (в их числе – Т. Эммонс, Д. Мейси, М. Раев, Ф. Старр, Дж. Йени, Ф. Вчисло, Р. Уортман, Т. Пирсон, А. Рибер, У. Б. Линкольн и др.) признавали, что в Российской империи бюрократия действительно способствовала экономической модернизации, но не справилась с реформированием общественно-политической сферы [5].

Полученные данные также подтвердили вывод о существенных различиях (в том числе мировоззренческих) между чиновниками центральных и местных учреждений. Сторонником идеи противопоставления трёх уровней российской бюрократии (верхнего, среднего и низшего) выступал, в частности, Марк Раев – известный американский историк, ученик М. М. Карповича. Критикуя своих западных коллег за недостаточное внимание к проблемам регионального и местного управления, особенностям административных систем в национальных окраинах империи, М. Раев одним из первых среди западных русистов обратился к изучению административной системы Сибири в XIX в.

В 1956 г. историк опубликовал свою первую монографию, посвящённую Сибирской реформе М. М. Сперанского [8] и получившую довольно высокую оценку зарубеж-

ных и отечественных исследователей [9; 10]. Главной задачей своего исследования М. Раев считал объяснение тех изменений, которые произошли в правительственной политике, проводившейся в Сибири в течение первых веков её освоения. По мнению историка, первоначально слабый интерес правительства к отдалённой окраине со временем сменился представлением о Сибири как самом ценном приобретении империи. Наибольшее внимание историк уделил анализу эволюции отношения правительства к экономическому потенциалу Сибири в конце XVIII – начале XIX в., отмечая, что по мере «европеизации» России и распространения идей Просвещения, прежде всего под влиянием учения физиократов, была пересмотрена оценка сельскохозяйственного и торгового потенциала края, и одновременно всё более остро ощущалась потребность в реорганизации погрязшей в злоупотреблениях и волоките сибирской администрации.

Проведение реформ стало возможным лишь в первой четверти XIX в., хотя и в этот период власть не решилась на радикальное переустройство сословного общества, ограничившись частными мерами по преобразованию административных органов. По словам М. Раева, отличительной чертой всей системы управления, созданной в ходе реформы, был её бюрократический характер, тогда как участие общества в этой системе было крайне ограниченным. С одной стороны, автор реформы следовал давней бюрократической патерналистской традиции российской власти, с другой – в Сибирском учреждении проявился скептицизм М. М. Сперанского в отношении способности местного общества содействовать управлению регионом. Роль, которую реформатор отводил бюрократии, соответствовала его представлениям о роли государства как «духовного пастыря народа». М. Раев с сожалением признаёт, что созданная М. М. Сперанским система управления «была на руку правительству, паталогически боявшемуся вмешательства народа в государственное управление» [8, р. 84–85]. Тем не менее историк определяет реформу как важный шаг к правовому государству, основанному на верховенстве закона. Вслед за С. М. Прутченко М. Раев также усматривал в реформе 1822 г. «первый слу-

чай регионального подхода к управлению на местах». Признание центральной властью необходимости учёта региональной специфики должно было предупредить возможные центробежные тенденции.

Анализ преобразований в социально-экономической сфере позволил М. Раеву сделать вывод о том, что законодательство М. М. Сперанского способствовало расширению свободы торговли и предпринимательства, благодаря чему впоследствии Сибирь превратилась в сельскохозяйственный и промышленный «аванпост» России. Делая ставку на поощрение частной инициативы и предпринимательства, М. М. Сперанский содействовал также «нравственному развитию» населения Сибири, формированию нового типа человека, «сибиряка», отличавшегося чувством собственного достоинства [8, р. 131–132]. В целом, по заключению американского историка, либеральные устремления, проявившиеся в деятельности М. М. Сперанского, были залогом прогрессивного развития региона, поскольку оказали благотворное влияние на умы.

М. Раеву, безусловно, удалось описание широкой картины политических и социально-экономических процессов, обусловивших необходимость реформирования сибирской системы управления, однако его вывод об исторической победе либерализма трудно признать вполне обоснованным, тем более что сам историк называл «подлинной трагедией нежелание и неспособность преемников М. М. Сперанского проводить политику» в заданном им направлении [8, р. 132]. В сущности, М. Раев распространил на более поздний исторический период и вывод Дж. Ланцева о противоречиях между взвешенной и разумной политикой правительства и хаотичностью действий местных сибирских властей. Американские историки (Т. Пирсон, Р. Роббинс, Т. Фоллоуз, К. Фраерсон, Д. Мейси и др.), изучавшие местное управление Российской империи второй половины XIX – начала XX в., пришли к выводам, во многом созвучным умозаключениям М. Раева. Полагая, что реальные успехи процесса «модернизации» зависели не от правительства, а от конкретных условий той или иной губернии, указанные авторы писали об относительной самостоятельности губернской

администрации, слабом правительственном контроле над исполнением принятых решений на местах [5, с. 18–23].

Работы американских русистов, опубликованные в 1970–1980-е гг., свидетельствовали о возрастающем интересе к теме регионального разнообразия империи [5, с. 24]. Как и в начале XX в., западные исследователи во многом сопоставляли имперскую политику в отношении национальных окраин с действиями правительств колониальных держав, по сути, воспроизводя оценки сторонников концепции «русской восточной экспансии» [11–15]. Важной вехой в изучении темы стала монография американского историка С. Беккера, следовавшего в русле модернизационной парадигмы и пришедшего к выводу о том, что Россия являлась объектом западной экспансии (оставаясь лишь частично вестернизированной страной) и в то же время осуществляла экспансию в отношении «колонизуемых» соседей, пользуясь собственным технологическим и организационным превосходством [16]. Взгляд на Россию как субъект и одновременно объект мирового империализма впоследствии позволил С. Беккеру поставить вопрос о возможности применения теории ориентализма Э. Саида к историческому опыту Российской империи, об особенностях российского ориентализма, а также о различиях понимания русскими и европейцами собственной цивилизаторской миссии в Азии [17].

В работах западных историков, посвящённых анализу имперской политики в отношении аборигенного населения Сибири, особое внимание уделялось Уставу об управлении инородцев 1822 г., разработанному М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым. По мнению западных авторов, принятие Устава положило начало новому этапу в истории взаимоотношений пришлого и аборигенного населения Сибири. Содержание данного этапа характеризовалось в зависимости от общего понимания целей имперской политики и приверженности исследователей определённым теоретико-методологическим установкам. В частности, историки 1950–1970-х гг. (М. Раев, Т. Армстронг), придерживаясь модернизационной парадигмы, разделяли мнение, что авторы Устава 1822 г. намеревались гарантировать «инородцам»

широкое самоуправление, дополнив традиционные элементы родоплеменного устройства новой системой учреждений («родовых управлений», «инородных управ» и «степенных дум»). Позиция царского правительства в отношении сибирских инородцев расценивается такими авторами, скорее, как «политика невмешательства», имевшая свои положительные и отрицательные стороны.

На рубеже XX и XXI вв., во многом под влиянием подходов «новой культурной и социальной истории», в центре внимания исследователей оказались проблемы правового статуса, идентификации и самоидентификации, национального и регионального самосознания сибирских «инородцев». По мнению А. Каппелера, Устав об управлении инородцев сочетал в себе традиции прагматической политики Московского государства по отношению к национальным меньшинствам с просветительскими целями и цивилизаторской миссией, однако созданная М. М. Сперанским правовая категория «инородцев» превращала часть нерусского населения империи в «граждан второго сорта». Вслед за А. Каппелером немецкий историк Д. Дальманн также усматривает в Уставе об управлении инородцев «проявление европейского чувства превосходства» [18, s. 150–169]. Ю. Слёзкин отмечает многочисленные трудности, связанные с практической реализацией реформы [19, с. 109]. По заключению немецкой исследовательницы Э.-М. Столберг, на рубеже XIX и XX вв. самоуправление инородцев, предусмотренное реформой М. М. Сперанского, было подорвано притоком колонистов, начавшимся после крестьянской реформы 1861 г. [20, s. 283], а объединение систем управления русским и аборигенным населением было равнозначно русификации.

Признавая монографию А. Каппелера важной вехой в развитии такого историографического направления, как «новая имперская история», сторонники конструктивистского подхода всё же критикуют немецкого историка за то, что речь в его работе идёт о «неких самоочевидных народах», первичных по отношению к общему социально-политическому пространству [21, с. 223]. Выступая за релятивизацию структуралистских теорий «нации» и «империи», такие ис-

следователи (Т. Мартин, Н. Барон и др.) предлагают рассматривать империю не как «реальный объект», а как «систему отношений»; «изучать не структуры, а практики и дискурсы, которые переплетаются в динамичную открытую систему “имперской ситуации”» [22, с. 224–228]. Они указывают на невозможность создания «универсальной теории империи», описывающей устойчивые признаки и циклы развития, но всё же называют ряд свойств, имманентно присущих всем империям: дискретность, гетерогенность, полиэтничность и поликультурность.

Представители противоположной точки зрения (А. Рибер обозначает их понятием «сравнительное направление») ведут поиск общих классификаций и всеобъемлющих дефиниций империи (в ряду таких исследователей – Р. Суни, С. Беккер, Д. Ливен, А. Рибер и др.). Используя сравнительно-исторический метод наряду с понятийно-категориальным аппаратом теорий «колонизации» и «модернизации», указанные авторы противопоставляют универсальную имперскую идеологию этноцентризму национальных государств; определяют механизмы устойчивости империй; указывают на единый процесс консолидации территорий, гомогенизации населения и управления, концентрации власти и суверенитета, с которыми связано движение от империй к национальным государствам [22].

В существующих классификациях Россию относят к территориально-протяжённым континентальным империям (наряду с Габсбургской и Османской), в противовес западноевропейским империям с заморскими колониями. Сопоставление траекторий развития «континентальных» и «морских» империй актуализирует вопрос о сходстве и различиях процессов колонизации, практик «колониального управления», т. е. о том, можно ли ставить Россию в один ряд с другими «колониальными империями»? Утвердительный ответ на этот вопрос даёт американский историк В. Сандерленд, характеризующий политику царской России в отношении окраин как «империалистическую», ничем не отличающуюся от политики западных держав, создавших колониальные империи на других континентах. Под «империализмом» историк вслед за М. Дойлом понимает процесс «уста-

новления или поддержания империи», а под «империей» – «эффективный контроль, который осуществляет над подчинённым обществом имперское общество» [23, р. 3].

Полагая, что Россия следовала общемировым колониальным практикам, В. Сандерленд в одной из своих работ задался вопросом о том, почему в России так и не было учреждено Министерство по делам колоний, аналогичное тем, что существовали в других империях [24]. Среди причин автор называет характерное для континентальной империи отсутствие чёткого разделения между «метрополией» и «колониями»; общий тренд имперского управления, направленный на создание гомогенного государственного пространства; нежелание военных, игравших большую роль в управлении окраинами, допустить появление специализированного гражданского министерства; опасения властей, связанные с возможным появлением сепаратистских движений, и вызванное этим стремление «избегать явных структурных параллелей с западными колониальными империями». К тому же, по замечанию историка, Россия вплоть до конца существования монархии позиционировала себя как «династическая», а не «колониальная» империя, как «российская», а не «русская».

Вместе с тем процессы «русификации» и «модернизации» сопровождалась процессом колонизации (прежде всего в Азиатской России), усиливая дифференциацию между центром и окраинами, русскими и «иногородцами». Американский историк убеждён, что в условиях такой «модернизационной колонизации» появление в России «колониального» министерства было делом времени, и оно обязательно бы возникло, если бы не революционные события 1917 г. Пробразамии такого министерства, по мнению В. Сандерленда, являлись Министерство государственных имуществ и Переселенческое управление.

В схеме А. Рибера в рамках «новой имперской истории» также выделяется «географическое направление», для представителей которого характерно повышенное внимание к геополитической проблематике, истории освоения «фронта» и «пограничных областей», представление об определяющем влиянии внешней среды на ход и итоги колонизации. В частности, А. Каппелер призна-

вал наличие общих черт в процессе «русской колонизации» Сибири и «западноевропейской колонизации» Северной Америки (по его мнению, в обоих случаях имели место жестокость в отношении коренных этносов и хищническая эксплуатация природных ресурсов), но считал, что не следует игнорировать географические различия, а также исторические традиции взаимоотношения русских с другими народами, поскольку Россия всегда была полиэтнической страной. На этом основании А. Каппелер выступил против некритического использования в отношении России таких понятий, как «колониализм» и «империализм» [25, с. 7, 35]. Для объяснения уникальных черт колонизируемых окраин А. Каппелер, вслед за Д. Тредголдом, использовал теорию «фронтира», разработанную американским историком Ф. Дж. Тёрнером.

Третье направление в рамках «новой имперской истории» А. Рибер определяет как «культурное», т. е. связанное с изучением культурных практик, «культурной специфичности русских восприятий в разных контекстах и в разные эпохи», в частности, образов нерусских регионов и народов в русской культуре [26]. Отталкиваясь от работ теоретиков «постколониализма», а также исследований С. Беккера, ряд западных историков (в их числе – Н. Найт, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, А. Эткинд) выясняют особенности «русского ориентализма», разницу между европейским и российским пониманием цивилизаторской миссии в Азии [27; 28]. С точки зрения некоторых «постколониальных критиков», в России имел место ещё более сложный процесс – «внутренняя колонизация», в процессе которой элита навязывала или предписывала народу тот образ его идентичности, который позволил бы преодолеть существовавший между ними культурный разрыв [29; 30].

В методологическом отношении постколониальная теория связана с постструктурализмом, критикующим принципы «причинности», «идентичности», «истины», идеи «роста» и «прогресса» и фокусирующем внимание не на проблеме познания, а на проблеме языка. Соответственно, представители данного направления определяют «новую имперскую историю» как «археологию знания об империи», которая понимается в духе

«постструктуралистской фукодианской парадигмы, подвергающей деконструкции базовые и нормативные идеи социальных наук», и направлена на дешифровку культурных значений и выявление заложенных в них механизмов власти; анализ, в первую очередь, культурных практик, а не структур (в том числе – государственных) [22, с. 16–27; 31].

В современном западном сибиреведении идеи, предложенные постструктуралистами, разделяет, в частности, американский историк Э. Гентес, автор серии монографий по истории сибирской каторги и ссылки, в своих работах критикующий тех, кто высоко оценивает Сибирскую реформу М. М. Сперанского. По мнению Э. Гентеса, реальный эффект реформы был невелик, а превозносят её те, кто по сей день остаётся в плену позитивистского подхода (служащего основой, с точки зрения историка, и для марксизма, и для либерализма) и игнорирует новейшие философские концепции [32, р. 204]. Историк апеллирует к теоретическому наследию М. Фуко и призывает анализировать не только роль высших органов власти, но также «эпистемологию» тех, кто принимал решения на местах, равно как и «контр-поведение» со стороны отдельных людей и социальных групп.

Рассматривая пенитенциарную политику как один из важнейших инструментов управления дореволюционной Сибирью, современные западные историки (Э. Гентес, Э. Шредер, К. Тёртон, С. Бэдкок, Д. Бир и др.) [32–37] изучают историю сибирской каторги и ссылки, применяя теоретико-методологический аппарат таких междисциплинарных научных направлений, как «историческая пенология», «история женщин», «история семьи», «гендерная история». Изменения, происходившие в пенитенциарной системе Сибири и связанных с ней властных отношениях, современные авторы, получившие доступ к российским архивам, стремятся показать через повседневную жизнь основной массы «рядовых» ссыльных, призывая «услышать их голос» («история снизу»). Как и отечественные авторы, зарубежные исследователи проявляют повышенный интерес к историко-правовой проблематике, вопросам истории уголовной ссылки и каторги,

а также указывают на неразрывную связь пенитенциарных институтов с процессами общественно-политического, социокультурного и хозяйственного развития Азиатской России в дореволюционный период.

Таким образом, англо-американские и немецкие историки, следовавшие в русле концепции «русской восточной экспансии» (Э. М. Хикс), теорий «фронта» и «колониализации», а также «модернизационной» и «имперской» парадигм (А. Каппелер, В. Сандерленд, С. Беккер и др.), осветили широкий круг проблем, связанных с изучением правительственной политики и системы управления Сибирью в XIX – начале XX в. Сопоставляя «инструменты экспансии» и «колониальные практики» Российской империи с историческим опытом других стран, западные авторы критически оценивали итоги «циви-

лизаторской миссии» России в Северной Азии, подчёркивая, в частности, негативные аспекты аборигенной и пенитенциарной политики. Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, созданная за Уралом административная система способствовала в целом успешной интеграции региона в общеимперское пространство. Политические и социально-экономические факторы, обусловившие специфику системы управления Сибирью, изучались прежде всего англо-американскими историками (М. Раев, Т. Армстронг), социокультурные – немецкими (К. Вайсс, С. Франк). Особое внимание уделялось анализу причин, содержания и итогов Сибирской реформы М. М. Сперанского, которая, по мнению западных авторов, во многом определила развитие региона до конца имперского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек И. Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26, № 3. – С. 5–11. – DOI: 10.15372/HSS20190301.
2. Iggers G. G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century // Syracuse Scholar. – 1988. – Vol. 9, Iss. 1. – P. 43–49.
3. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. – М.: Канон+, 2012. – 432 с.
4. Hicks E. M. The Territorial Expansion of Russia : M.A. Thesis Presented to the Department of History. – Los Angeles : University of Southern California, 1916. – 65 p.
5. Большакова О. В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография) : аналит. обзор. – М.: РАН ИНИОН, 2003. – 92 с.
6. Большакова О. В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. – М.: Наука, 2008. – 262 с.
7. Любичанковский С. В. Состояние власти позднеимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й половины XX – начала XXI в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9, № 2. – С. 342–347.
8. Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. – Seattle : University of Washington Press, 1956. – 210 p.
9. Shimkin D. B. Rec. ad op.: Marc Raeff. Siberia and the Reforms of 1822 (University of Washington Publications on Asia, The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle: University of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices) // American Anthropologist. – 1958. – Vol. 60, № 1. – P. 190.
10. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2017. – 339 с.
11. Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution / ed. by T. Hunczak. – New Brunswick, 1974. – 396 p.
12. Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. – London, 1988. – 274 p.
13. Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914. – Göttingen, 1977. – 347 s.
14. Nolte H.-H. Zur Stellung Osteuropas im internationalen System der frühen Neuzeit. Aussenhandel und Sozialgeschichte bei der Bestimmung der Regionen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1980. – H. 28. – S. 161–197.
15. Ауст М. Новая история Российской империи в германской русистике // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. – Казань : Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. – С. 599–608. – (Библиотека журнала “Ab Imperio”).
16. Bekker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. – Cambridge : Harvard University Press, 1968. – 416 p.
17. Герасимов И., Глебов С., Могильнер М. Написание истории России как истории империи: опыт Сеймура Беккера // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. / под ред.

- И. В. Герасимова, С. В. Глебова. А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. – Казань : Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. – С. 41–46. – (Библиотека журнала “Ab Imperio”).
18. *Dahlmann D.* Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. – Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. – 438 s.
 19. *Слѣзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 512 с.
 20. *Stolberg E.-M.* Sibirien: Russlands „Wilder Osten“. Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. – Stuttgart : Steiner, 2009. – 329 s.
 21. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идёт? Беседа с редакторами журнала Ab Imperio Ильёй Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. – 2007. – № 1 (58). – С. 219–238.
 22. Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова. А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнова. – Казань : Центр Исследования Национализма и Империи, 2004. – 652 с. – (Библиотека журнала “Ab Imperio”).
 23. *Sunderland W.* Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. – Ithaca, NY ; London : Cornell University Press, 2004. – 264 p.
 24. *Sunderland W.* The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was but Might Have Been // *Slavic Review*. – 2010. – Vol. 69, № 1. – P. 120–150. – DOI: 10.1017/S0037677900016727.
 25. *Кантелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
 26. Some Paradoxes of the “New Imperial History” [From the Editors] // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2000. – Vol. 1, № 4. – P. 623–625. – DOI: 10.1353/kri.2008.0040.
 27. *Khalid A.* Russian History and the Debate over Orientalism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2000. – Vol. 1, № 4. – P. 691–699. – DOI: 10.1353/kri.2008.0032.
 28. *Night N.* On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2000. – Vol. 1, № 4. – P. 701–715. – DOI: 10.1353/kri.2008.0053.
 29. *Эткинд А.* Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 3. – С. 50–73.
 30. *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на Азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. – 2010. – № 3–4 (58–59). – С. 150–191.
 31. *Чуркин М. К.* Сибирь в имперской географии власти: паттерны общественно-политического дискурса XVI–XX вв. // *Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2021. – № 4. – С. 147–159. – DOI: 10.26105/PBSSPU.2021.8.4.010.
 32. *Gentes A.* Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia. – New York : Palgrave Macmillan, 2008. – 284 p.
 33. *Beer D.* The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. – London : Penguin Books, 2017. – 487 p.
 34. *Badcock S.* A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 195 p.
 35. *Corrado Sh. M.* The “End of the Earth”: Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849–1906 : Ph.D. diss. – Urbana, Illinois : University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. – 189 p.
 36. *Schrader A.* Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860 // *Slavic Review*. – 2007. – Vol. 66, № 2. – P. 230–256. – DOI: 10.2307/20060219.
 37. *Turton K.* Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917 // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. – 2010. – Vol. 52, № 3–4. – P. 391–415.

Сведения об авторе

Ананьев Денис Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Ак. Николаева, 8

E-mail: denis.ananyev@gmail.com

РИНЦ AuthorID: 616778

ORCID: 0000-0001-9448-8454

WoS ResearcherID: AAC-7488-2020

Информация о статье

Дата поступления
21 апреля 2022 г.

Дата принятия в печать
17 января 2023 г.

Для цитирования

Ананьев Д. А. Проблемы управления Сибирью в XIX – начале XX в. в освещении англо- и немецкоязычной историографии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 1 (37). С. 69–80. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).69-80.

**PROBLEMS OF ADMINISTRATION IN SIBERIA
OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY IN THE ENGLISH-
AND GERMAN-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY**

The paper objective is to analyze and evaluate the research findings obtained by the English- and German-language scholars who studied the administrative system of Siberia in the 19th – early 20th century, when the regionalist policy of the Russian Empire was gradually replaced by a more rigid centralism, standardization and unification. Anglo-American and German historians using the conception of "Russian eastward expansion" (E.M. Hicks), theories of "frontier" and "colonization" (A. Kappeler, W. Sunderland, S. Becker et al.) analyzed a wide range of problems associated with the administration of pre-revolutionary Siberia. Comparing "instruments of expansion" and "colonial practices" of the Russian empire with the historical experience of other countries, Western authors critically evaluated the results of "civilizing" mission of Russia in Northern Asia, emphasizing in particular negative aspects of aboriginal and penal policy. However, most of researchers the administrative system created in Siberia provided a rather successful integration of the region in the imperial space. Political and socioeconomic factors influencing Siberia's administrative system were studied primarily in Anglo-American historiography (M. Raeff, T. Armstrong) while sociocultural factors – in German historiography (C. Weiss, S. Frank et al.). Western authors paid special attention to analysis of reasons, essence and outcomes of the 1822 Siberian reform introduced by M.M. Speransky which, in their view, largely determined the region's development till the end of the imperial period.

Keywords: Western historiography; Siberian reform of 1822; M.M. Speransky; modernization; colonization; "Russian eastward expansion".

REFERENCES

1. Dameshek I.L. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya ob upravlenii Sibir'yu v 1822–1917 gg. [Contemporary national historiography on the administration of Siberia in 1822-1917]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri [Humanitarian Sciences in Siberia]*, 2019, vol. 26, no. 3, pp. 5-11. DOI: 10.15372/HSS20190301. (in Russian).
2. Iggers G.G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century. *Syracuse Scholar*, 1988, vol. 9, iss. 1, pp. 43-49.
3. Iggers G., Wang E. *Global'naya istoriya sovremennoi istoriografii [A Global History of Modern Historiography]*, Moscow, Kanon+ Publ., 2021, 432 p. (in Russian).
4. Hicks E.M. *The Territorial Expansion of Russia*, M.A. Thesis Presented to the Department of History, Los Angeles, University of Southern California, 1916, 65 p.
5. Bol'shakova O.V. *Rossiiskaya imperiya: Sistema upravleniya (Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya) [Russian Empire: Administrative System]*, Analytical review, Moscow, INION of the RAS Publ., 2003, 92 p. (in Russian).
6. Bol'shakova O.V. *Vlast' i politika v Rossii XIX – nachala XX veka: amerikanskaya istoriografiya [Power and Politics in Russia of the 19th – early 20th century: American Historiography]*, Moscow, Nauka Publ., 2008, 262 p. (in Russian).
7. Lyubichankovskii S.V. Sostoyanie vlasti pozdneimperskoi Rossii v otsenke anglo-amerikanskoi istoriografii 2-i poloviny XX – nachala XXI v. [State of Power in the Late Imperial Russia as Evaluated by the Anglo-American Historiography of the 2nd half of the 20th – early 21st century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Bulletin of the Samara scientific center of the Russian academy of sciences]*, 2007, vol. 9, no. 2, pp. 342-347. (in Russian).
8. Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*, Seattle, University of Washington Press, 1956, 210 p.
9. Shimkin D.B. Rec. ad op.: Marc Raeff. Siberia and the Reforms of 1822 (University of Washington Publications on Asia, The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle: University of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices). *American Anthropologist*, 1958, vol. 60, no. 1, p. 190.
10. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Pertseva T.A. *Sibirskie reformy M.M. Speranskogo 1822 g.: opyt administrativnogo regulirovaniya tsentra i regiona [1822 Siberian reforms of M.M. Speranskiy: an experience of administrative regulation of the interests of the center and regions]*, Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2017, 339 p. (in Russian).
11. Hunczak T. (ed.). *Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution*, New Brunswick, 1974, 396 p.
12. Rywkin M. (ed.). *Russian Colonial Expansion to 1917*, London, 1988, 274 p.

13. Geyer D. *Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860-1914*, Göttingen, 1977, 347 p. (in German).
14. Nolte H.-H. Zur Stellung Osteuropas im internationalen System der frühen Neuzeit. Aussenhandel und Sozialgeschichte bei der Bestimmung der Regionen. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1980, vol. 28, pp. 161-197. (in German).
15. Aust M. Novaya istoriya Rossiiskoi imperii v germanskoi rusistike [New History of the Russian Empire in the Russian Studies in Germany]. Gerasimov I.V., Glebov S.V., Kaplunovskii A.P., Mogil'ner M.B., Semenov A.M. (eds.). *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva [New Imperial History of the Post-Soviet Space]*, collection of scientific articles, Kazan, Centre for Research of Nationalism and Imperia Publ., 2004, pp. 599-608. (in Russian).
16. Bekker S. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924*, Cambridge, Harvard University Press, 1968, 416 p.
17. Gerasimov I., Glebov S., Mogil'ner M. Napisanie istorii Rossii kak istorii imperii: opyt Seimura Bekkera [Writing a history of Russia as a history of an empire: Seimur Becker's experience]. Gerasimov I.V., Glebov S.V., Kaplunovskii A.P., Mogil'ner M.B., Semenov A.M. (eds.). *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva [New Imperial History of the Post-Soviet Space]*, collection of scientific articles, Kazan, Centre for Research of Nationalism and Imperia Publ., 2004, pp. 41-46. (in Russian).
18. Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*, Paderborn, Ferdinand Schöningh Publ., 2009, 438 p. (in German).
19. Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]*, Moscow, 2017, 512 p. (in Russian).
20. Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands „Wilder Osten“. Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert*, Stuttgart, Steiner Publ., 2009, 329 p. (in German).
21. Chto takoe “Novaya imperskaya istoriya”, otkuda ona vzyalas i k chemy ona idet? Beseda s redaktorami zhurnala Ab Imperio Il'ei Gerasimovym i Marinoi Mogil'ner [What is a “new imperial history”, where does it come from and where is it going to?]. *Logos*, 2007, no. 1 (58), pp. 219-238. (in Russian).
22. Gerasimov I.V., Glebov S.V., Kaplunovskii A.P., Mogil'ner M.B., Semenov A.M. (eds.). *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva [New Imperial History of the Post-Soviet Space]*, collection of scientific articles, Kazan, Centre for Research of Nationalism and Imperia Publ., 2004, 652 p. (in Russian).
23. Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*, Ithaca, NY, London, Cornell University Press, 2004, 264 p.
24. Sunderland W. The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was but Might Have Been. *Slavic Review*, 2010, vol. 69, no. 1, pp. 120-150. DOI: 10.1017/S0037677900016727.
25. Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya [Russia is a multi-ethnic empire]*, Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000, 344 p. (in Russian).
26. Some Paradoxes of the “New Imperial History” (From the Editors). *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2000, vol. 1, no. 4, pp. 623-625. DOI: 10.1353/kri.2008.0040.
27. Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2000, vol. 1, no. 4, pp. 691-699. DOI: 10.1353/kri.2008.0032.
28. Night N. On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2000, vol. 1, no. 4, pp. 701-715. DOI: 10.1353/kri.2008.0053.
29. Etkind A. Fuko i tezis vnutrennei kolonizatsii: postkolonial'nyi vzglyad na sovetskoe proshloe [Foucault and a thesis of internal colonization: post-colonial view on the Soviet past]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 2001, no. 3, pp. 50-73. (in Russian).
30. Remnev A.V., Suvorova N.G. Upravlyaemaya kolonizatsiya i stikhiinye migratsionnye protsessy na Aziatskikh okrainakh imperii [Controlled colonization and spontaneous migration processes in the Asian outskirts of the Russian empire]. *Politiya*, 2010, no. 3-4 (58-59), pp. 150-191. (in Russian).
31. Churkin M.K. Sibir' v imperskoi geografii vlasti: pattern obshchestvenno-politicheskogo diskursa XVI–XX vv. [Siberia in the imperial geography of power: patterns of social and political discourse of the 16th – 20th centuries]. *Filologicheskii vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Philological Herald of the Surgut State Pedagogical University]*, 2021, no. 4, pp. 147-159. DOI: 10.26105/PBSSPU.2021.8.4.010. (in Russian).
32. Gentes A. *Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia*, New York, Palgrave Macmillan Publ., 2008, 284 p.
33. Beer D. *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*, London, Penguin Books, 2017, 487 p.
34. Badcock S. *A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism*, Oxford, Oxford University Press, 2016, 195 p.
35. Corrado Sh.M. *The “End of the Earth”: Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849-1906*, Ph.D. diss., Urbana, Illinois, University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010, 189 p.

36. Schrader A. Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860. *Slavic Review*, 2007, vol. 66, no. 2, pp. 230-256. DOI: 10.2307/20060219.
37. Turton K. Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, 2010, vol. 52, no. 3-4, pp. 391-415.
-

About the author

Denis A. Anan'ev – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Postal address: 8, Ak. Nikolaeva ul., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: denis.ananyev@gmail.com

RSCI AuthorID: 616778

ORCID: 0000-0001-9448-8454

WoS ResearcherID: AAC-7488-2020

Article info

Received
April 21, 2022

Accepted
January 17, 2023

For citations

Anan'ev D.A. Problems of Administration in Siberia of the 19th – Early 20th Century in the English- and German-language Historiography. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2023, vol. 10, no. 1 (37), pp. 69-80. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).69-80 (in Russian).